

Бодрослово

Содержание:

- А. ФЕДОРОВЪ. Безсмертіе. Стихотвореніе.
В. І. ДМИТРИЕВА. Человѣкомъ сталъ. Разсказъ.
В. КАРЛОВЪ. Послѣдній. Стихотвореніе.
Вл. ЛИХАЧЕВЪ. Ставка. Стихотвореніе.
М. ПРЕМИРОВЪ. Гемма. Разсказъ.
Н. КЛЮЕВЪ. Современная былина. Стихотвореніе.
П. Э. Словесный спортъ.
Л. МИЗЯКИНЪ. Сектантство въ Поволжѣ. Іоанниты.
А. ЕГОРЬЕВСКИЙ. Женщины Финляндіи.
Н. ДМИТРИЕВЪ. Символическая смертная казнь. Письмо изъ Брюсселя.
И. ЛАВРОВСКИЙ. Письмо изъ Германіи.
В. МУЖЕСЪЕВЪ. Государственное хозяйство и роспись на 1909 г.
ПРОЪЗЖИЙ. Въ Балашовскомъ уѣздѣ.
В. ВОДОВОЗОВЪ. Иностранная жизнь.
І. БИКЕРМАНЪ. Очерки русской жизни. Въ тупикѣ.
С. АНИКИНЪ. Въ глубинѣ Россіи.
С. ПАТРАШКИНЪ. Объединенное дворянство.
БИБЛИОГРАФІЯ.

№ 5.

Мартъ 1909 г.

№ 5.

годъ изданія второй.

24 книжки

въ годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Саперный пер., д. № 2.

2 р. 40 к

въ годъ.

— Пишите!—шепнула дѣвушка.

Ея губы вздрогнули, всколыхнулась грудь.

— Милый! — неувовимо-тижое скользнуло слово, и холодныя трепетныя губы припали къ моей рукѣ.

Тогда я взялъ ея плечи, притянулъ къ себѣ и въ первый разъ свободно, смѣло, радостно и мучительно поцѣловалъ ее. Поцѣлуй былъ коротокъ и тихъ, но мы успѣли отдать черезъ него другъ другу все, что безысходно томилось въ насъ.

— Прощай!—прошепталъ я.

— До свиданія!—отозвалась она.

Въ послѣдній разъ тихо вспыхнулъ въ ея глазахъ жемчужный свѣтъ.

Я оторвался и побѣжалъ отъ нея по дорогѣ. Ямщикъ остановился, я прыгнулъ въ телѣжку и, когда лошадь тронулась, оглянулся.

На дорогѣ въ пустынной полутьмѣ стояла дѣвушка. Стояла темная, неясная, одна — и уже прошлая. Не двигалась. Медленно уплывала, таяла во тьмѣ, какъ робкое видѣніе.

Но вдругъ она заколыхалась, рванулась впередъ, и въ тишинѣ прозвучалъ ея звенящій крикъ:

— Остановитесь!

Я соскочилъ, добѣжалъ.

Въ безумной, мучительной быстротѣ мелькнуло передо мной дрожащее лицо,

мелькнули торопливыя задыхающіяся слова:

— Я забыла адресъ календаря... астрономическаго... скажите скорѣе... я выпишу его, непременно выпишу...

И такъ же торопливо, несвязно задыхаясь, отвѣтилъ ей.

— Ну вотъ... такъ... хорошо... — срывались съ ея губъ слова, но я уже бѣжалъ прочь, назадъ.

И когда дѣвушка растаяла во тьмѣ, только тогда я понялъ, что случилось, къмѣ для меня была она.

Я озирался вокругъ, всматривался въ темноту, искалъ ее, но дѣвушки не было. Была пустыня, и въ пустынѣ я былъ одинъ, не было дѣвушки со мной, не было дѣвушки нигдѣ. И мучительно, страстно хотѣлось отыскать ее, вернуть ее, сказавъ ей какое-то одно забытое, безмѣрно-важное послѣднее слово, и непонятнымъ-невѣроятнымъ казалось то, что ея нѣтъ.

Я поднялъ вверхъ лицо и торопливо, трепетно, волнуясь и замирая, отыскалъ въ звѣздной чашѣ Сѣверный Вѣнецъ. Гемма коротко мерцала, и когда я приникъ къ ней жадными глазами, мнѣ стало легче. Я зналъ, что на Гемму смотреть и она, и наши взгляды—ея и мой—слились въ безбрежно-далекомъ мірѣ.

М. Преміровъ.

СОВРЕМЕННАЯ БЫЛИНА.

Въ красовитый лѣтній праздничекъ,
 На раскатъ-широкой уллицѣ
 Будетъ гульное гулянье,
 Пиръ—мірское столованье.
 Какъ у дѣвущекъ-согрѣвущекъ
 Будутъ поднизи плетеня,
 Сарафаны золоченыя,
 У дородныхъ добрыхъ молодецвъ,
 Мигачей и заливчатчиковъ,
 Перелетныхъ зоркихъ кречетовъ,
 Будетъ шапка съ кистью до уха,
 Опояски соловецкія,
 Изъ семи шелковъ плетеня.
 Только я млада, на гульбище,
 Выйду въ старо-старомъ рубищѣ,
 Нищимъ лыкомъ опоясана.

Сгомонятся красны дѣвушки,
 Бѣлолицыя согрѣвущики.

Какъ отъ торона повальнаго
 Отпатытся на сторонущку.
 Парни ражіе удалые
 За куветы встануть талые,
 Притулятся на завалины
 Старики, ребята малые—
 Диво-дивное увидючи,
 Промежду себя толкуючи:
 Чья здѣсь вѣдьма захудалая
 Ходить въ землю носомъ клюючи?
 Ужъ не горе ли голодное,
 Лихо злое, подколодное,
 Забѣжало частой рощею,
 Корбой темною, дремучею,
 Черезъ лягу-грязь топучую,
 Во селенье домовитое,
 На гулянье круговитое?
 У насъ время не догуляно
 Зелено вино не допито,
 Дѣвицы не доцѣлованы,
 Молодцы не долюбованы,
 Сладки пряники не съѣдены,
 Серебрушки не домѣнены.

Тутъ я голосомъ какъ молотомъ,
 Выбью звоны колокольные:
 —Не дарите меня золотомъ,
 Только слушайте, крещеные!
 Мнѣ не спалось ночкой синею,
 Передъ Спасовой заутреней
 Пышла къ озеру по инею,
 По росѣ медвяной утренней.
 Стала озеро выпрашивать,
 Оно стало мнѣ рассказывать
 Тайну тихую, поддонную—
 Про святую Русь крещеную.
 Отъ озерной прибауточки,—
 Водяной потайной басенки,
 Понабережье насупилось,
 Пѣной саваномъ окуталось.
 Тучка сизая заплакала—
 Сизымъ бисеромъ прокапала;
 Рыба въ заводяхъ повытухла,
 На лугахъ трава повызябла.

Я повѣдаю на гульбищѣ
 Праздничанамъ-залихватчикамъ,
 Что мнѣ видѣлось въ озерышкѣ,
 Во глуби на самомъ доньшкѣ.
 Изъ конца въ конецъ я видѣла
 Царство бѣлое, кручинное,
 Все столбами огорожено.

Межь столбовъ брусы дубовые
 Поперечены положены,
 Петли новыя, пеньковыя
 Хомутами заморожены.

Оттого въ завѣтный праздничекъ,
 На широкое гуляньице
 Выйду я млада непутною,
 Встану въ отдалѣ немовутною,
 Какъ кручинная кручиннушка,
 Та пугливая осинушка,
 Что шумить поетъ по осени
 Пѣсню жалкую свирѣльную,
 Ронить листья-слезы желтые
 На могилу безымянную.

Н. Клюевъ.

СЛОВЕСНЫЙ СПОРТЪ.

(По поводу доклада Э. Шестова въ литературномъ обществѣ).

„Великіе кануны“! Таково торжественное названіе доклада Льва Шестова. Но отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ: опечатка, вкрапшаяся въ предварительное сообщеніе о докладѣ, превратила „великіе кануны“ въ менѣ претенціозныя „вешніе кануны“. И публика, собравшаяся послушать моднаго писателя, уже до того привыкла ко всякаго рода причудливымъ комбинаціямъ, что искренно повѣрила въ возможность сочетанія вешнихъ кануновъ съ намѣченными въ программѣ вопросами объ основахъ человѣческаго познанія. Такое нелѣпое сочетаніе понятій, дѣлавшее программу похожей на такъ наз. Wortsalat, „салатъ изъ словъ“ у душевнобольныхъ, никого почти не шокировало. Напротивъ, почитатели автора „Апофеоза безпочвенности“, книги для тѣхъ, кто не боится головокруженій (Nur für Schwindelfreie), готовы были видѣть въ столь смѣломъ сопоставленіи стильное выраженіе послѣдовательной непослѣдовательности Шестова, новую побѣду надъ случнымъ и устарѣвшимъ „здравымъ смысломъ“.

Изложить содержаніе доклада Шестова, который всюду подчеркиваетъ верховное право философа „Божьей милостью“ на непослѣдова-

тельность и противорѣчивость—дѣло нелегкое. „Искать у самого себя противорѣчій“—безапелляціонно утверждаетъ Шестовъ—, „на это даже нѣмцы не способны“. „Нужно представить себѣ, что твоя истина ни для кого не обязательна. Если она выдержитъ такое испытаніе, значитъ она истинна“. Но привычка свыше намъ дана, и стремленіе быть логичнымъ зачастую незамѣтно для автора оказывается сильнѣе его гордыхъ фразъ. И несмотря на свой девизъ, Шестовъ въ сущности старается, поскольку можетъ, быть послѣдовательнымъ. Отдѣльныя, самостоятельныя части его доклада объединяются общей мыслью о недостаточности и несовершенствѣ научнаго знанія.

Гносеологи, говорить Шестовъ, въ стремленіи оправдать науку, обратили современную теорію познанія въ апологетику. Наука нуждается въ оправданіи, она не ведетъ къ познанію истины, а даетъ намъ лишь полезныя „серединныя“ знанія. Кто хочетъ сорвать покрывало Майи и приобщиться къ „последнимъ истинамъ“, не считается съ законами логики. Пророки и великіе мыслители, а быть можетъ и эпилептики и сумасшедшіе иногда,